ной и религиозно-богословской) как раз становится возможным в русле нового раздела языкознания – теолингвистики, исследующей проявления религии, которые нашли свое отображение в языке.

Список литературы

1. Маслова, В.А. Введение в лингвокультурологию: учебное пособие. – М.: Наследие, 1997. – 208 с.
2. Мечковская, Н.Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов / Н.Б.Мечковская – М.: ФАИР, 1998. – 352 с.
3. Хомяков, А.С. Мнение иностранцев о России // Полн. собр. соч. в 8 т. – Т.1. – М., 1900–1904. – 417 с.

ПОГРАНИЧЬЕ КАК ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Л.М. Вардомацкий
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Как известно, понятие «пограничье», как и «приграничье», обычно воспринимается как некая территория, относительно условная по ширине, прилегающая к границе другой территории. Установление межтерриториальных разделений носит почти всегда волюнтаристский или конвенциональный характер. Большинство современных международных договоров отдельно учитывают некий особый статус приграничных территорий. Особенность приграничных территорий действительно реальна и она вытекает из глубоких исторических корней формирования приграничных территорий.

Актуальность данной работы определяется возросшим в последние годы вниманием к проблемам пограничных территорий, попыткам их комплексного определения с учетом данных различных наук.

Цель работы – историко-лингвистический анализ формирования современного белорусско-русского (витебско-российского) пограничья.

Материал и методы. Материалом для анализа послужили практические исследования как современных языковедов, так и историков восточнославянских языков на основе метода историографического сопоставления данных.

Результаты и их обсуждение. Один из подходов изучения языка и культуры пограничных территорий основывается на изучении археологии, современных кропотливых записей и описаний особенностей местных говоров, обрядовых традиций, этнической специфики того или иного региона. Отсюда исследователи приходят к понятию «переходная культура». Переходная культура – «это когда, – говорит Т.А. Листова, – постепенно некоторые особенности уклада одного народа переплетаются с жизнью другого… Мы можем наблюдать, как плавно смоленская традиция переходит в витебскую с примесью могилёвской и гомельской» [1]. Отдельные территории (пос. Ляды, Дубровенского района, например), по ее мнению, представляют собой пример синтеза «культурных традиций Витебской, Могилёвской, Гомельской, Смоленской и Брянской областей» (*там же*).

Между тем автор этих слов, как нам кажется, хорошо понимает, что «само определение этнической принадлежности подчас является не безусловным и зависит от разных причин социального, исторического, политического характера. Отнесение жителей той или иной территории к определённому этносу может зависеть и от того, кто даёт экспертную оценку». Так, русско-белорусское пограничье Т.А. Листова относит к регионам «с трудно определяемой этнической принадлежностью» [2; 5]. Поэтому методики исторических, социологических, культурологических и языковых в том числе исследований разных приграничных территорий, на наш взгляд, априори не могут быть универсальными и определяются спецификой приграничного региона.

Известно, что еще в 1902 г. Е.Ф. Карский сделал картографическую попытку определить границы «белорусского племени». В качестве основного принципа такого определения им было положено следующее суждение: «Основой для определения границ Белорусской области у нас исключительно служит язык; вследствие этого, например, те ли-

Репозиторий ВГУ

товцы Виленской губернии, которые в настоящее время говорят только по-белорусски, у нас отнесены к белорусам» [3; 1]. В основу определения языковых территорий Е.Ф. Карским положены следующие показатели:

1) твердое [р], умеренное аканье, полонизмы (нынешнее западнобелорусское пограничье);

2) твердое [р], умеренное аканье (нынешняя северо-западная и центральная Беларусь);

3) твердое [р], умеренное аканье. дифтонги (нынешняя южная и юго-западная часть Беларуси);

4) твердое [р], сильно акающий говор (нынешняя восточная и северо-восточная часть Беларуси по линиям Борисов – Орша и Друя - Могилев);

5) мягкое [р], южновеликорусское влияние (по линии Себеж–Витебск–Смоленск–Брянск);

6) мягкое [р], цоканье, великорусское влияние (юг нынешней Псковской и восток Смоленской (до верховья Западной Двины) областей).

Интересно, что на карте Е.Ф. Карского не выделяются в качестве каких-либо специфических или переходных территории, граничащие сегодня с Латвией и Литвой. Переходность наблюдается в практически строгой волновой последовательности с запада на восток.

Таким образом, Е.Ф. Карский выделяет шесть языковых зон, которые он относит к белорусским. Причем к пограничной русско-белорусской зоне он относит пятую и шестую (в нашем перечне). Между тем современное русско-белорусское (витебско-белорусское) пограничье по территории в большей степени совпадает с отмеченной Е.Ф. Карским четвертой и – частично – пятой группами. Здесь также вызывает вопросы характеристика территориального диалекта. И если показатель «мягкое [р]» имеет определенное место, в том числе и в наши дни, то утверждение о «южновеликорусском влиянии» нельзя считать доказанным.

По мнению Е.Ф. Карского, «границы области, в которой раздается белорусская речь, легче всего определяются на западе, так как здесь соседями белорусов оказываются нерусские племена, сначала даже и неславянские» [3; 1]. (В последнем случае, Е.Ф. Карский имеет ввиду, вероятно, балтов ?!).

Вместе с тем восточные очертания территории, в том числе витебско-смоленское направление, в данной интерпретации оказываются менее убедительными и представляют собою скорее абрис, нежели обозначенное пограничье. Но в любом случае анализ исследования и картографирования Е.Ф. Карского позволяет утверждать, что то, что мы называем белорусско-русским пограничьем сегодня, по отношению к карте Е.Ф. Карского, созданной 110 лет назад, или, тем более, к лингвистическим картам четырехсотлетней давности (если бы таковые составлялись), имеет совершенно разное территориальное значение. Происходит непроизвольная подмена понятий: административное деление отождествляется с этническим и языковым. Административные границы даже в недалекой истории – результат изменчивых политических решений и часто существенно подвижны.

Формирование и современное состояние этнолингвистических особенностей приграничья Витебской области с Российской Федерацией представляется более очевидными при историческом, ретроспективном анализе политических и социальных процессов, протекавших на современных приграничных территориях. Обратим внимание на запись, сделанную А. Гваньини в 1578 году**,** итальянецем по происхождению, много лет прожившим в Витебске, который в своей книге ’’Хроника Европейской Сорматии’’, писал: «А есть Русь троякая: одна Белая, другая Чёрная, третья Красная. Белая – около Киева, Мозыря, Мстиславля, Витебска, Орши, Полоцка, Смоленска и Северской земли». Как видим, ось распространения Белой Руси (по Гваньини) в значительной степени также совпадает с пятой зоной на карте Е.Ф. Карского, что в современной интерпретации (в применении к Витебской области) распространяется на Городокский, Лиозненский, Дубровенский, Оршанский районы и – частично – Велижский район Псковской области и центральные и западные районы Смоленской области.

Репозиторий ВГУ

Заключение. Ретроспективный взгляд на обозначенную проблему, исторический и современный опыт изучения характера языковых особенностей территории позволяют сделать на данном этапе предположительный вывод об условности понятия «русско-белорусское пограничье», а – точнее – о вероятном отсутствии такой географически очерченной территории.

Список литературы

1. За чем приезжают российские ученые на Дубровенщину? – «Дняпроўская праўда». Дубровенская районная газета.– Четверг, 16.09.2010.
2. Листова, Т.А. Семейные обряды русско-белорусского пограничья в контексте этнополитической истории. XIX – начало XXI вв. / Т.А. Листова. Дис. ... канд. ист. наук: Москва, 2006 г. – 370 с.
3. Карский, Е.Ф. К вопросу об этнографической карте белорусского племени / Е.Ф. Карский. – СПб., 1902 г. – 16 с.

КОНЦЕПТ «РОДИНА» В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

М.В. Василькова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Понятие «родина» сложное и многогранное, поскольку в нем отражается общественно-историческая практика людей, подытоживается опыт, накопленный за многовековую историю существования нации. Данный концепт тесно связан как с этническим самосознанием, так и с государственной идеологией, поэтому его относят к общественно-политическим концептам.

Мы полагаем, что можно выделить три основных источника, используемых для исследования концептов: словарный материал, текстовый материал (данные о функционировании слов-репрезентантов концепта в текстах) и экспериментальный материал (данные психолингвистических экспериментов).

Целью нашей статьи является выявление и описание концептуальных признаков, формирующих понятийное содержание концепта «родина» в немецкой лингвокультуре.

Материал и методы. Традиционной формой аккумуляции информации о семантическом объеме языковых единиц является их лексикографическое описание в лингвистических словарях, поэтому мы обратимся к анализу словарных дефиниций лексем, актуализирующих концепт «родина». Постановка данной цели предполагает использование метода анализа словарных дефиниций, а также методы этимологического и словообразовательного анализа.

Результаты и их обсуждение. Исследованием концепта занимались Ю.С. Степанов, А. Вежбицкая, В.И. Карасик. Е.М. Игнатова, описывая концепт в немецком языковом сознании, считает, что семантическое поле концепта «родина» представлено в виде двух лексем Vaterland и Heimat.

Этимологический анализ слова Heimat позволяет утверждать, что оно происходит от средневерхненемецкого heimôt(e), heimuot(e), древневерхненемецкого heimôti и означает «*место, страна, где родился человек, где чувствует себя дома, отечество*». В немецком языке слово Heimat (с фонетическими изменениями) встречается с XV в. и становится преобладающим с XVI в. Слово сохраняло средний род в литературном языке до XVII в.; в настоящее время оно имеет женский род, но в ряде диалектов сохраняется средний род. Прилагательное heimatlich с XVIII в. означает «*имеющийся на родине, относящийся к родным местам*» [3, 289].

В «Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm» зафиксированы варианты основных значений слов Heimat и Vaterland. Слово Vaterland возникло позже слова Heimat. К середине XIX в. в значении Vaterland (первоначально – синонима Heimat), сформировался такой семантический компонент, который позволил этому слову в дальнейшем стать обозначением политического и идеологического концепта [2].

Репозиторий ВГУ